

Годъ изданія седьмой.

І Ю Л Ь.

№ 18.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

БѢЛАЯ ЛИЛІЯ (сказка).
ПОСЛѢ ГРОЗЫ (стих.).
КРАСНЫЙ ФОНАРЬ.
ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ (стих.).
ВЪ СТАРОЙ УСАДЬБѢ (повѣсть).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Игра въ путешествіе.

NO. 1000

1000

BOULEVARD DE LA LIBERTE

1000

BOULEVARD DE LA LIBERTE
1000

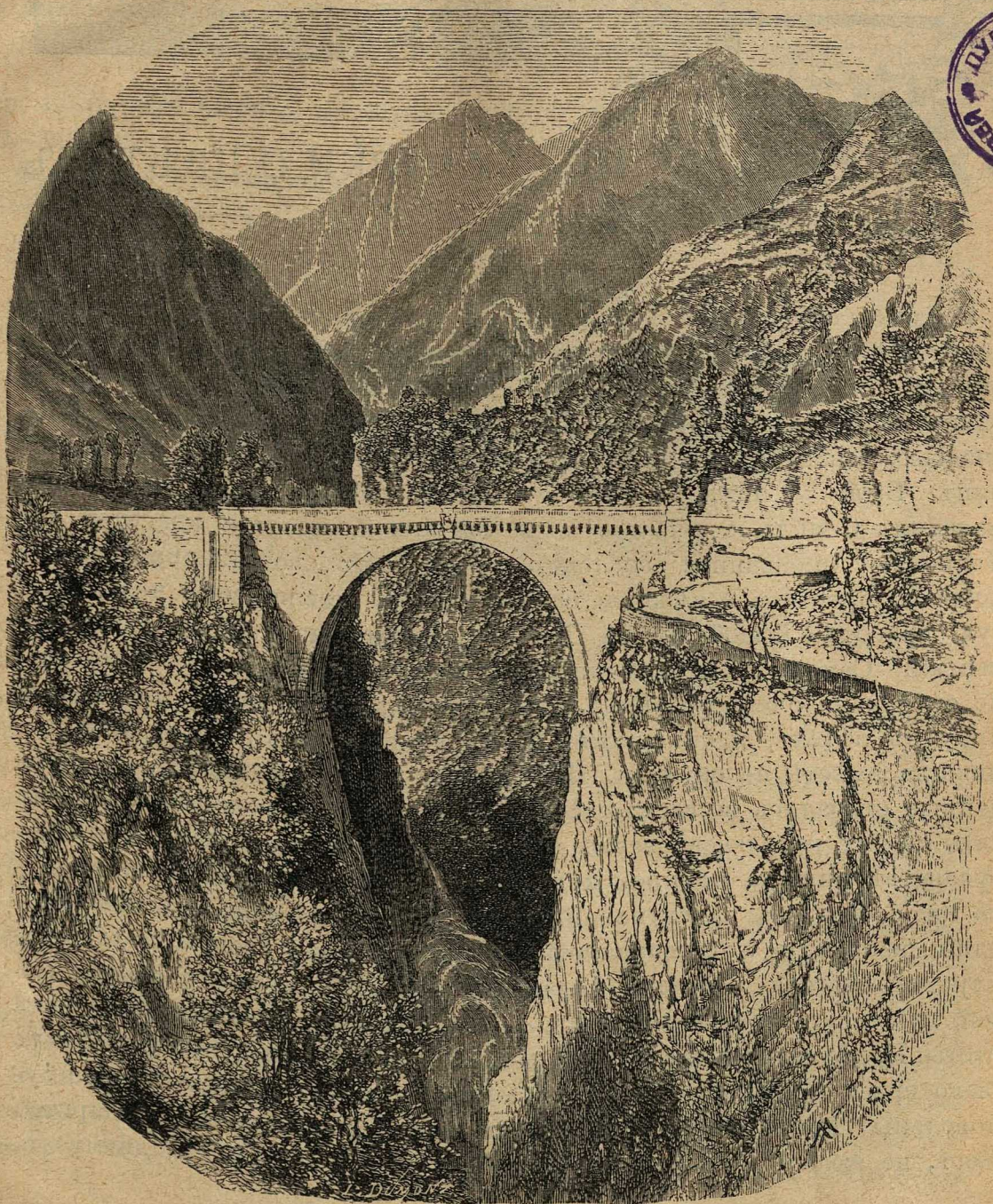
№ 18. Июль. 1914.

Годъ изданія VII-й.

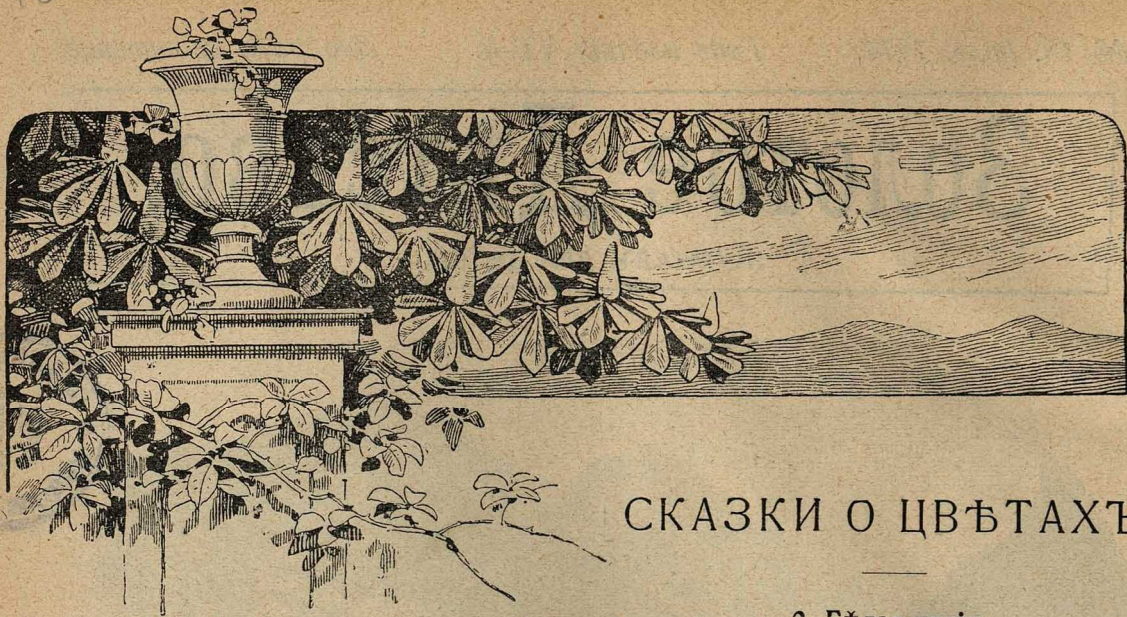
Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Мостъ въ Тироли, въ Австрiи.

СКАЗКИ О ЦВѢТАХЪ.

2. Бѣлая лилія.

Жили-были на свѣтѣ король съ королевой, которые такъ горячо любили другъ друга, что не могли одинъ безъ другого жить. Ихъ счастьемъ, казалось, не было границъ. Было у нихъ двое дѣтей: мальчикъ Семплъ и дочь-дѣвушка Фелисита, прозванная за свою доброту, простоту и нѣжную, святую красоту—Бѣлой лиліей. Маленькій Семплъ и Бѣлая лилія, не смотря на очень большую разницу въ лѣтахъ, жили дружно и никогда вмѣстѣ не скучали. Подданные старались во всемъ слѣдовать своему королю, во всемъ государствѣ никогда не происходило ни ссоръ, ни преступлений и одни называли это государство Страной счастья, а другіе—Страной душевнаго спокойствія и простоты. И, дѣйствительно, все здѣсь было красиво и просто. Всѣ были довольны тѣмъ, что посылалъ имъ Богъ, не желали большего, люби-

ли другъ друга и не хотѣли сосѣдямъ зла. Душевная чистота и правдивость цѣнились въ этомъ государствѣ выше всего,—и, благодаря имъ, всѣ казались спокойными, ласковыми и отличались той тихой, простою красотой, которая такъ свойственна каждому доброму, отзывчивому человѣку.

Совсѣмъ не таково было сосѣднее государство. Мрачный, хмурый, съ угрюмо нависшими бровями, король этой страны Дюбоскъ повсюду видѣлъ вокруг себя одну только измѣну, никому не довѣрялъ и отличался жестокостью. Тонкій, сухой, всегда одѣтый во все черное, онъ самъ производилъ надъ своими подданными судъ и расправу и они его боялись. Онъ требовалъ отъ нихъ рабскаго повиновенія, отбиралъ изъ за всякаго пустяка ихъ имущество въ казну и его государство обдѣнѣло съ каждымъ днемъ и,

благодаря частымъ войнамъ и казнямъ, населеніе рѣдѣло и всѣ ходили понуривъ головы и уже не рассчитывая на лучшіе дни. Звали это государство Страною слезъ.

И вотъ однажды этотъ мрачный король Страны слезъ объявилъ королю Страны душевнаго спокойствія и простоты войну. Въ первый разъ въ жизни, въ души мирныхъ обитателей забрался страхъ.

— Мы не сдѣлали королю Дюбоску никакого зла, сказали они.— Но мы знаемъ, что если онъ овладѣетъ нашей страной, то никому изъ насъ пощады не будетъ. Но на все воля Бога. Простота и счастье—это покорность волѣ Провидѣнія. Будемъ-же мы Ему покорны до конца.

Громадныя, дикія полчища вторглись въ Страну спокойствія и простоты. Кровь полилась рѣкой. Жадность и насилія оставили за собою кровавый слѣдъ—и въ два-три дня вся страна была побѣждена. Добрый король былъ убитъ, его уцѣлѣвшіе подданные были обращены въ рабство и сама его королева съ Семплемъ и Бѣлой лиліей попались въ плѣнъ.

— Это хорошо!.. потиралъ отъ удовольствія руки Дюбоскъ.—Теперь я возьму ихъ съ собой и на этой Бѣлой лиліи женю своего сына Авара!

Онъ велѣлъ связать имъ руки,

посадить ихъ на лошадей и отправить къ себѣ въ Страну слезъ. И вотъ королева—мать, и ея дѣти Семплъ и Бѣлая лилія оказались у него во власти. Онъ заключилъ ихъ въ тюрьму и каждый день сталъ присылать къ нимъ своего оруженосца, который спрашивалъ у Бѣлой лиліи, желаетъ-ли она выйти замужъ за принца Авара.

И всякій разъ дѣвушка отвѣчала: — Нѣтъ.

За это всю семью еще строже содержали въ тюрьмѣ.

— Я промору ихъ тамъ до тѣхъ поръ, ворчалъ Дюбоскъ,—пока она не полюбитъ моего сына Авара.

Но Бѣлая лилія оставалась непреклонной, потому что принцъ Аваръ былъ такъ-же жестокъ, какъ и его отецъ.

И для бѣдныхъ плѣнниковъ потянулись длинные, унылые дни. Имъ давали ѣсть одинъ только черный хлѣбъ, спали они на пучкѣ соломы и дневной свѣтъ проникалъ къ нимъ черезъ небольшое окно, въ которое едва могъ-бы пролѣзть человекъ. Семплъ и Бѣлая лилія голодали. Мать не доѣдала сама, чтобы только отдать дѣтямъ послѣдній кусокъ. Въ свою очередь Бѣлая лилія нарочно притворялась сытой, чтобы не голодала мать. Такъ продолжалось нѣсколько недѣль. И вдругъ, когда они ѣли свой скудный обѣдъ, изъ подъ полу выскочила мышка и

боязливо схватила упавшую крошку хлѣба и съѣла. Бѣлая Лилія замѣтила это и тихонько отъ брата и отъ матери бросила ей другую крошку и такъ искрошила для нея весь свой кусокъ.

— Ышь, мышка, на здоровье!.. шептала она.—Вѣроятно, ты тоже голодна!

На слѣдующій день утромъ, когда Бѣлая лилія проснулась, то около нея стояла на полу корзина и въ ней были положены разныя вкусныя блюда: жареная телятина, икра, фрукты и конфекты. Удивленію Бѣлой Лиліи не было границъ.

— Мама, мама! воскликнула она.—Посмотри сюда! Кто это принесъ?

И всякій разъ какъ плѣнники садились ѣсть, изъ норки обязательно выползала мышка и начинала подбирать съ полу крошки. Это повторялось каждый день и каждое утро Бѣлая Лилія находила около себя корзину съ вкусной ѣдой.

— Это мышка!.. рѣшила наконецъ дѣвушка.—Кромѣ нея одной некому намъ дѣлать такія подарки!

И, дѣйствительно, это была мышка. Она каждое утро превращалась въ замѣчательной красоты дѣвушку и, пока королева, Семпль, и Бѣлая Лилія спали, она убирала ихъ тюрьму, уставляла ее цвѣтами и приносила имъ ѣду. Исполнивъ все, она вновь обращалась

въ мышку и убѣгала къ себѣ въ норку.

Видя, что плѣнники не худѣютъ и, повидимому, стали легко переносить свою неволю, король Дюбоскъ потерялъ наконецъ терпѣніе и послалъ своего оруженосца сказать:—

— Завтра Бѣлая Лилія должна быть повѣнчана съ Аваромъ!

Бѣлая Лилія испугалась и залилась слезами, мать тоже плакала вмѣстѣ съ нею. Маленькій Семпль смотрѣлъ на нихъ обѣихъ большими, испуганными глазами, и вдругъ изъ подъ полу выскочила мышка и превратилась въ дѣвушку.

— Не бойтесь, сказала она.— До завтрашняго дня еще много времени!.. Мы успѣемъ!

Она махнула своей волшебной палочкой и вся тюрьма наполнилась вдругъ соломой.

— Вейте изъ нея скорѣе веревку! сказала она.—Я—фея Вивіана и помогу Бѣлой Лиліи бѣжать! Скорѣе!

Королева и Бѣлая Лилія принялись за витѣ веревки. Они вили ее весь день и всю ночь и кончили ее только къ восходу солнца. А затѣмъ началось трогательное прощаніе Бѣлой Лиліи съ матерью и съ братомъ. Всѣ трое плакали навзрыдъ. Не могла удержаться отъ слезъ и фея Вивіана.

А затѣмъ къ Бѣлой Лиліи привязали веревку и стали спускать

дѣвushку на землю. Спускъ казался ей безконечнымъ: такъ высока была башня, въ которой она сидѣла. Но вотъ Бѣлая Лилія почувствовала подъ собой землю; значить, она спустилась благополучно. Она посмотрѣла со вздохомъ на окно своей тюрьмы, стараясь въ послѣдній разъ взглянуть на своихъ мать и брата, но окно сидѣло въ башнѣ глубоко и ихъ было уже не видно.

— Прощайте!.. прошептала она и слезы брызнули у нея изъ глазъ.—Увидимся-ли когда-нибудь еще разъ?

Теперь ей предстояло идти одной, по неизвѣстной землѣ, и искать для себя гдѣ-нибудь убѣжища. Но куда ей идти? Гдѣ она найдетъ для себя пристанище? Молоденькая, неопытная, нѣжная, какъ цвѣтокъ лиліи, она должна была теперь сама добывать себѣ хлѣбъ, чтобы не умереть съ голоду и имѣть право на жизнь.

И она глубоко вздохнула, взяла палочку и пошла, куда глядѣли ея глаза.

Вошелъ въ тюрьму оруженосецъ.

— Король Дюбоскъ требуетъ къ себѣ Фелиситу, сказалъ онъ,— прозванную Бѣлой Лиліей. Я долженъ отвести ее къ нему.

Королева опустила глаза. Мальчикъ Семплъ испугался и припалъ къ ея плечу.

— Бя здѣсь нѣтъ, отвѣтила она.—

Сегодня утромъ мы проснулись,— и ея уже не было.

Оруженосецъ съ удивленіемъ оглядѣлся по сторонамъ, посмотрѣлъ на окошко и, ничего не сказавъ, отправился къ своему королю. Король Дюбоскъ пришелъ въ ярость.

— Хорошо-же! воскликнулъ онъ.—Я имъ отомщу! Это фея Вивіана помогла ей бѣжать! Съ своею хвастливой добротой она всегда ненавидѣла меня! Переловить въ государствѣ всѣхъ мышей и отдать ихъ кошкамъ!

И по всему королевству началась ловля мышей. Фея Вивіана явилась къ королевѣ и къ маленькому Семплю и сказала:—

— Теперь мнѣ нужно спастись самой. Я въ опасности. Но раньше я должна спасти васъ. Вотъ вамъ волосокъ. Разматывайте его и изъ него получится длинная веревка. Вы должны спуститься по ней такъ-же, какъ и Бѣлая лилія.

И она обратилась въ мышку и исчезла. Королева и ея сынъ принялись за работу и скоро къ ихъ услугамъ дѣйствительно появилась длинная волосяная веревка. Королева привязала къ ней Семпля и стала его спускать. Но веревка оказалась короткой и не хватывала немного до земли.

— Я расшибусь, мама! кликнулъ Семплъ снизу.—Спусти меня еще!

Но у королевы больше не хватало веревки. Она испугалась, хо-

тѣла-было поднять сына обратно къ себѣ въ тюрьму, но у нея ослабѣли силы и она не смогла.

— Что-же мнѣ теперь дѣлать? подумала она и ея сердце задрожало отъ страха.

Въ это время внизу проходила какая-то старушка. Увидѣвши мальчика, висѣвшаго на веревкѣ, она подошла къ нему и крикнула наверхъ:—

— Не бойтесь! Спускайте его! Я его здѣсь приму!

— Спасибо, добрая старушка! отвѣтила королева, и выпустила изъ рукъ веревку.

Мальчикъ упалъ на землю, его поддержала старушка, онъ былъ невредимъ, но вмѣстѣ съ его паденіемъ исчезла вдругъ всякая надежда на спасеніе для самой королевы: теперь у нея не было ни веревки, ни самой мышки. Мышка не могла больше попасть въ башню и еще раньше превратилась въ старушку, чтобы поддержать мальчика и не дать ему расшибиться.

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ вы не спускались сразу оба? проговорила она со вздохомъ.— Зачѣмъ не доплели веревки до конца?

Но дѣлать было нечего, она взяла мальчика за руку и повела его куда-то далеко. Шли они по горамъ, по доламъ и наконецъ вступили въ большой дремучій лѣсъ. Здѣсь была избушка отшельника. Завидѣвъ старушку и мальчика,

онъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу и пригласилъ ихъ къ себѣ.

— Побереги этого мальчика у себя, добрый старичокъ, обратилась къ нему фея-Вивіана.

— А кто онъ? спросилъ ее отшельникъ.

— Онъ—братъ дѣвушки чистой и прекрасной, какъ лилія. Онъ самъ простъ и чистъ, какъ голубь. Ихъ мать, такая-же нѣжная, какъ и они, находится сейчасъ у злыхъ людей въ тюрьмѣ... Я должна возвратиться туда, чтобы какъ-нибудь ее спасти...

Старикъ погладилъ мальчика по головѣ и глубоко вздохнулъ.

— Мужайся, мальчикъ, сказалъ онъ.—Ты найдешь своихъ мать и сестру. Простота, незлобіе, и чистота души подобны нѣжному, душистому цвѣтку. Злая рука можетъ сорвать его, но вмѣсто него всегда вырастетъ другой цвѣтокъ, еще нѣжнее и душистѣе, чѣмъ первый...

И онъ простился съ феей Вивіаной, взялъ мальчика за руку и ввелъ его къ себѣ. Фея Вивіана тотчасъ-же обратилась въ ласточку и полетѣла въ башню къ королевѣ.

— Необходимо спасаться, сказала она.—Могутъ хватиться и Семпля. Тогда тебѣ будетъ бѣда.

— Но что-же мнѣ дѣлать? спросила королева.

— Я могла-бы обратить тебя въ кукушку и ты улетѣла-бы сейчасъ вмѣстѣ со мною, но превратить

тебя снова въ челоуѣка уже не въ моей власти. Ты такъ и останешься птицей до тѣхъ поръ, пока два самыя чистыя сердца на всей землѣ, не встрѣтятся вмѣстѣ послѣ долгихъ страданій и разлуки. И если ты при ихъ встрѣчѣ будешь случайно присутствовать, то ты снова сдѣлаешься челоуѣкомъ.

— Я согласна! сказала королева. — Я потеряла мужа и двухъ дѣтей и теперь для меня все равно. Обращай меня въ кукушку!

Фея коснулась ее своей палочкой, и королева тотчасъ-же превратилась въ кукушку и вылетѣла изъ башни черезъ окно. И долго затѣмъ слышалось ея печальное „ку-ку“ по лѣсамъ и по большимъ запущеннымъ паркамъ. Она всюду стала разыскивать своихъ дѣтей и нигдѣ не находила. Маленькій Семплъ въ это время находился въ далекомъ дремучемъ лѣсу у пустытника, а Бѣлая лилія собственнымъ трудомъ добывала свой хлѣбъ.

— Ку-ку! Ку-ку! раздавался печальный голосъ королевы.

Долго шла Бѣлая лилія, отыскивая себѣ заработка и наконецъ поступила въ гусятницы. Королевская дочь, привыкшая къ нѣгѣ и къ ласковому обращенію, она должна была теперь вставать вмѣстѣ съ солнцемъ и выгонять гусей на пастбище. Ее держали въ черномъ тѣлѣ, не давали ей досыта ѣсть и грубо съ ней обращались,

но она покорно переносила всѣ невзгоды и только думала о своихъ матери и братѣ, полагая, что они все еще сидятъ въ высокой башнѣ въ тюрьмѣ.

— Что-то теперь съ ними? думала она. — Здоровы-ли они? Не причинилъ-ли имъ король Дюбоскъ какого-нибудь зла?

И нужно-же было случиться такъ, что тѣмимѣстами проходилъ принцъ Аваръ. Увидавъ прекрасную гусятницу, онъ сразу-же плѣнился ею и сказалъ:—

— Дѣвушка, хочешь быть моей женой? Бѣлая лилія куда-то исчезла, и я хочу жениться на тебѣ.

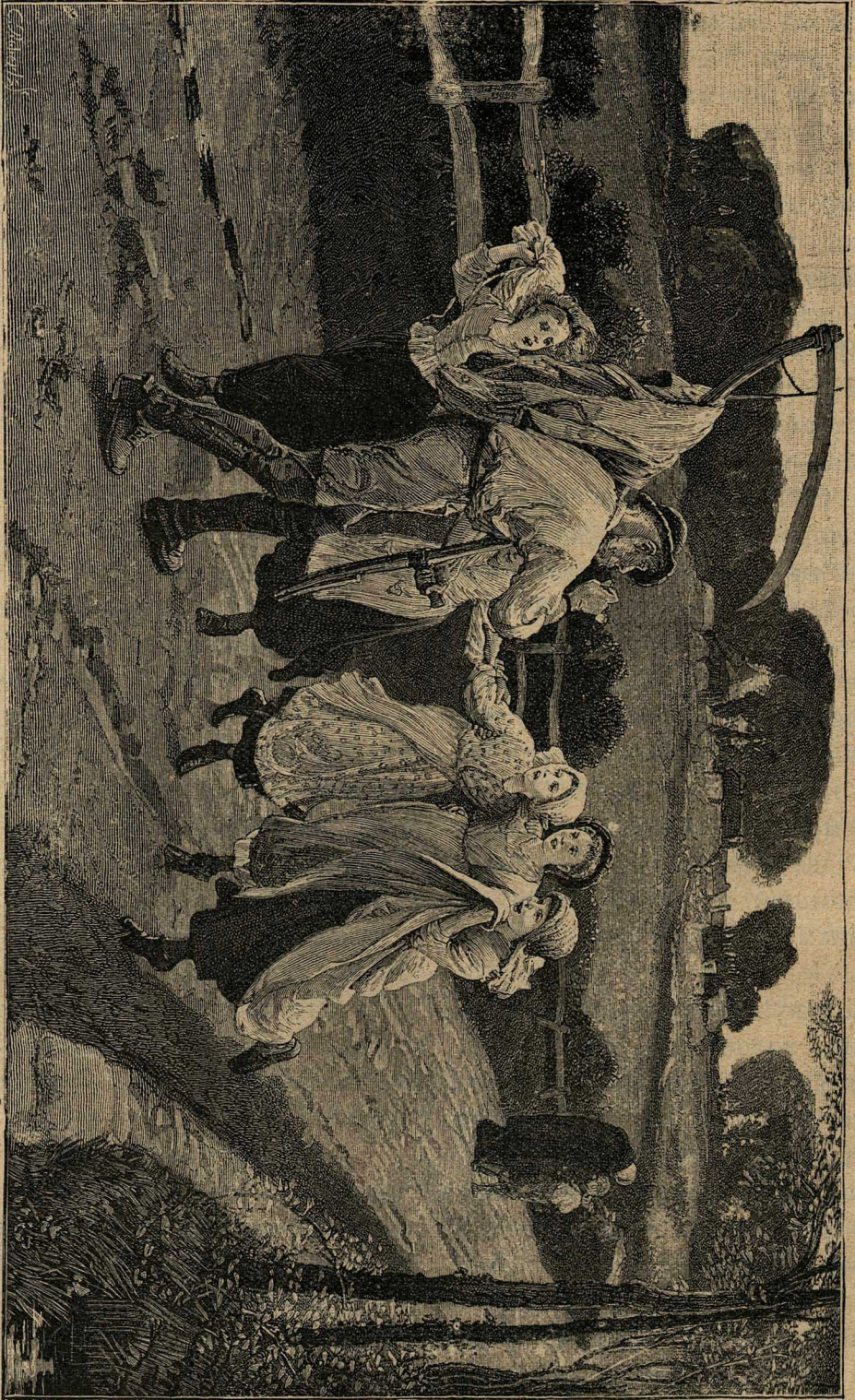
Но онъ былъ похожъ на своего отца Дюбоска, повсюду видѣлъ вокругъ себя одну только измѣну, требовалъ отъ людей рабскаго повиновенія и не щадилъ животныхъ и людей. Онъ не понравился Бѣлой лиліи съ перваго-же взгляда, и она ему отказала.

— Нѣтъ, сказала она, — я не пойду за тебя замужъ.

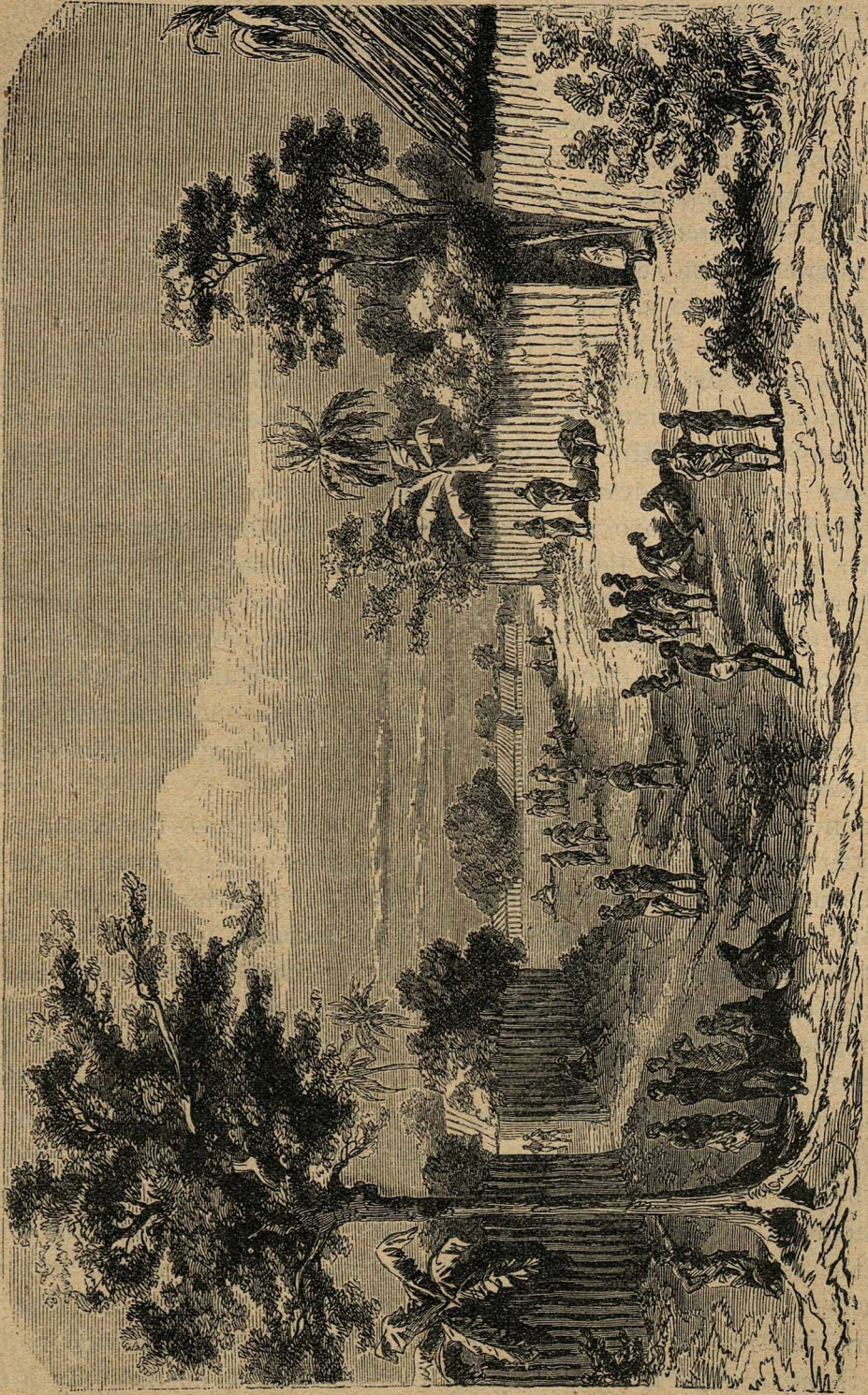
— Но вѣдь ты со временемъ будешь королевой и будешь такъ богата, какъ ни одна женщина въ мірѣ.

— Мнѣ не нужно ни богатства, ни короны отвѣтила она. Я выйду замужъ только за того, къ кому откроется мое сердце.

Этотъ отвѣтъ привелъ Авара въ ярость. Неужели ее не могли прельстить ни деньги, ни наряды, ни королевскій титулъ? Неужели она

Возращеніе дѣдушки съ снѣжоса.

Въ Центральной Африкѣ.

дѣйствительно не желаетъ выйти за него замужъ? И онъ каждый день сталъ прѣзжать къ ней и упрасивать ее, чтобы она стала его женой. Но ей онъ не нравился и она молча продолжала пасти своихъ гусей. И чѣмъ равнодушнѣе она относилась къ его словамъ, тѣмъ онъ все болѣе и болѣе приходилъ въ ярость и готовъ былъ отдать все и всею жертвовать, чтобы только она согласилась выйти за него замужъ. Но она была слишкомъ свята и чиста душою, чтобы выйти за такого человѣка, ради его положенія и богатства.

— Нѣтъ, отвѣчала она, — я не выйду за тебя никогда!

— Но я буду ждать, продолжалъ онъ. — Быть можетъ, твое сердце откроется и для меня.

Она смолчала. Ея сердце дѣйствительно уже открылось, но только не для него.

Проѣзжалъ мимо свѣтлый, прекрасный принцъ Беатъ. Онъ такъ любилъ все созданное Богомъ, что для него одинаково были дороги и животное, и малѣйшая козявка и цвѣтокъ. Онъ никому не причинялъ зла, ему даже было жаль ступать по травѣ ногой, потому что онъ зналъ, что жила и она и, быть можетъ, испытывала такую же боль, какъ и всякое живое существо. Онъ любилъ солнце и лѣса, птичьи голоса и вся природа составляла для него великую книгу чудесъ, которую начерталъ

Господь для счастья людей. Онъ читалъ эту книгу и каждая ея страница дѣлала его счастливѣе и это счастье увеличивалось для него тѣмъ, что онъ старался самъ слиться съ окружавшей его природой и любить все, что получило отъ Бога жизнь. Прослышавъ о Странѣ спокойствія и простоты, онъ пожелалъ увидѣть ее и отправился въ тотъ городъ, гдѣ когда-то царствовалъ отецъ Бѣлой лиліи. Но все это царство теперь было разгромлено и опустошено, городъ былъ разрушенъ и принцъ Беатъ теперь печально возвращался домой.

— Ахъ, зачѣмъ, восклицалъ онъ, — на свѣтѣ существуютъ алчность и зависть? Какъ онѣ мѣшаютъ людямъ быть счастливыми и какой оставляютъ послѣ себя кровавый слѣдъ!

Случайно онъ проѣзжалъ мимо того мѣста, гдѣ Бѣлая лилія пасла гусей. Онъ плѣнился ею съ первого же взгляда и тотчасъ же попросилъ ее быть его женой. Она взглянула ему въ самые глаза, какой-то тайный голосъ шепнулъ ей, что это тотъ самый, кого дѣвушка только разъ въ жизни посылаетъ судьба, и просто и искренно отвѣтила:

— Хорошо. Я буду твоей женой.

И только что она произнесла эти слова, какъ точно изъ земли появился между ними Аваръ. Глаза его сверкали завистью и злобою. Онъ схватилъ ее за руку и отдернулъ въ сторону.

— Ты никогда этого не сдѣлаешь! крикнулъ онъ.— Ты выйдешь замужъ только за меня!

Но она такъ-же просто и такъ-же искренно отвѣтила и ему:

— Нѣтъ, я буду женою этого человѣка.

Тогда Аваръ вытащилъ кинжалъ и со злобою вонзилъ ей его въ грудь.

— Такъ не доставайся-же ты никому! крикнулъ онъ, сѣлъ на коня и ускакалъ.

Алые капли крови выступили пятнами на ея бѣлоснѣжную рубашку. Принцъ Беатъ склонился надъ ней и долго надъ нею рыдалъ. Она лежала блѣдная и спокойная, точно спала, и ни страха, ни удивленія не выражало ея прекрасное лицо. Точно она спала. Затѣмъ принцъ Беатъ съ благоговѣніемъ взялъ ее на руки, положилъ ее на лошадь и повезъ ее въ то мѣсто, гдѣ сплошь цвѣли розы и сирени и гдѣ неумолкаемо пѣли соловьи. Тамъ онъ нашель одинокую пещеру, похоронилъ ее, какъ святыню, въ землю и поѣхалъ своей дорогой.

— Я еще приѣду сюда не разъ! рѣшилъ онъ.— Я еще буду навѣщать эту могилку!

И какъ только онъ уѣхалъ, въ ту-же ночь на этой могилкѣ выросла лилія и въ то-же утро пышно расцвѣла. Она вся была ярко-бѣлаго цвѣта и только тѣ мѣста, которыя были ближе къ ея сердцу,

были покрыты красными крапинками. Это дѣлало Бѣлую лилію еще болѣе прекрасной, но никто не зналъ, что это была кровь невинной дѣвушки, пролитая Аваромъ. И въ тотъ-же самый день, какъ расцвѣла эта лилія, на ближайшемъ къ пещерѣ деревѣ вдругъ появилась небольшая сѣрая птичка и томно и тоскливо нѣсколько разъ прокричала:—

— Ку-ку! Ку-ку!

Это была королева. Съ тѣхъ поръ она поселилась на этомъ деревѣ и стала кричать свое „ку-ку“.

Маленькій Семплъ сидѣлъ на крылечкѣ у избушки и печально глядѣлъ вдаль, когда изъ лѣса вернулся пустынный. Глаза у него были заплаканы. Онъ такъ былъ занятъ своими мыслями, что даже и не замѣтилъ, какъ старикъ къ нему подошелъ.

— О чемъ тоскуешь, мой милый мальчикъ? обратился къ нему пустынный.— Ты, кажется, плакалъ?

— Да, отвѣтилъ Семплъ и заплакалъ снова.— Мнѣ хочется видѣть маму и сестру!

Старикъ посмотрѣлъ на него и ему сдѣлалось его жаль.

„Въ самомъ дѣлѣ“, подумалъ онъ,— „чѣмъ этотъ мальчуганъ виновать, что такъ устроилась его судьба? Чѣмъ виновать прекрасный полевой цвѣтокъ, что его срываетъ жадная человѣческая рука?“

И пустынный вошелъ къ себѣ въ избушку и долго-долго въ ней

молился. Затѣмъ онъ досталъ съ полки свою таинственную книгу и заглянулъ въ нее.

— Она убита и погребена... проговорилъ онъ и глубоко вздохнулъ. — Но ея чистота и незлобіе души подобны прекрасной лиліи. Злая рука могла сорвать ее, но никто не въ силахъ лишить ее душевной красоты...

И онъ вышелъ къ мальчику.

— Одѣнься, сказалъ онъ ему, — возьми съ собою въ сумочку хлѣба и въ кубышку воды и иди на западъ. Не уклоняйся ни вправо, ни влѣво, а все иди и иди туда, гдѣ каждый вечеръ садится солнце. Ты придешь въ страну, гдѣ всѣ поля покрыты цвѣтущими розами и сиренью. Тамъ ты увидишь пещеру. Подойди къ этой пещерѣ и поплачь у ея входа. Твоей сестры нѣтъ уже въ живыхъ!

Мальчикъ испугался, взвизгнулъ и сталъ горько плакать.

— Фелисита! Фелисита! восклицалъ онъ. — Моя Бѣлая лилія, моя дорогая сестра!

Долго онъ не могъ успокоиться, а когда наконецъ спустилось солнце, замолкли въ лѣсу птичьи голоса, зажглись первыя звѣзды и отовсюду потянулись ароматы зелени и цвѣтовъ, онъ взялъ сумочку, простился со старикомъ и отправился въ далекій путь. И все время думая о сестрѣ и о матери, онъ все шелъ и шелъ къ

тому мѣсту, гдѣ такъ еще недавно сѣло солнце, и боялся глядѣть по сторонамъ, чтобы не сбиться съ дороги.

И вдругъ откуда-то выскочила мышка и побѣжала прямо передъ его ногами.

— Иди за мной смѣло! сказала она ему. — Я доведу тебя до твоей сестры!

Маленькій Семплъ любилъ природу. Цѣлыми часами онъ глядѣлъ на небо, на деревья и цвѣты, и они казались ему такими-же живыми, какъ и люди. Онъ слѣдилъ за полетомъ насѣкомыхъ и птицъ, разговаривалъ съ животными и ему казалось, что они его понимали и отвѣчали ему. И ему нисколько не показалось страннымъ, что съ нимъ заговорила простая, сѣренькая мышъ, и онъ ласково ей отвѣтилъ:—

— Хорошо, мышка, я пойду за тобой. Только не сбейся съ пути ты сама!

Это было тяжкое, утомительное путешествіе. У маленькаго Семпля разболѣлись ноги, онъ не могъ отъ усталости заснуть, въ ушахъ у него шумѣло и онъ часто не доѣдалъ и не допивалъ. Но желаніе хоть однимъ глазкомъ, хоть издали, увидѣть то мѣсто, гдѣ была похоронена его сестра, давало ему силы и онъ превозмогалъ въ себѣ усталость и шель. И все время мышка бѣжала передъ нимъ.

Но вотъ путь близится уже къ концу. Вотъ уже тянетъ издали запахомъ розъ и душистой персидской сирени. Вотъ уже пышные цвѣты обступаютъ маленькаго Семпля со всѣхъ сторонъ и издали слышится томный, печальный крикъ кукушки:

— Ку-ку! Ку-ку!

Вотъ уже и гротъ, въ которомъ погребена Фелисита. Мальчикъ подбѣгаетъ къ нему, опускается передъ входомъ въ него на колѣни и начинаетъ рыдать.

— Бѣлая лилія! Дорогая сестра!.. восклицаетъ онъ.— Зачѣмъ ты оставила меня одного? Какъ бы я хотѣлъ тебя повидать!

И вдругъ въ пещерѣ засіялъ яркій, ослѣпительный свѣтъ и у входа появился нѣжный цвѣтокъ бѣлой лиліи. Во всѣ стороны отъ него шли лучи.

— Я здѣсь, мой милый, ненаглядный Семплъ!.. сказалъ цвѣтокъ.— Какъ я соскучилась по тебѣ и по нашей мамѣ!

Цвѣтокъ вышелъ изъ пещеры и все еще сіяя и испуская изъ себя блестящіе лучи, остановился въ воздухѣ у самаго лица мальчика. Семплъ протянулъ къ нему губы и поцѣловалъ его. И въ это время съ ближайшаго дерева раздалось звонкое „ку-ку“.

Послышался затѣмъ топотъ копытъ, и къ пещерѣ подбѣжалъ прекрасный принцъ Беатъ. Тихо, не-

замѣтно, полный благоговѣнія къ святости мѣста, въ которомъ была погребена Фелисита, онъ подошелъ къ пещерѣ. И вдругъ онъ увидѣлъ мальчика, стоявшаго на колѣняхъ, и нѣжный цвѣтокъ, отъ котораго во всѣ стороны шли лучи.

— Но отчего на тебѣ эти красныя крапинки, сестра? спрашивалъ Семплъ.— Почему онѣ идутъ тебѣ къ самому сердцу?

— Это моя кровь, дорогой Семплъ... Злая рука пронзила мнѣ сердце и кровь окрасила мнѣ грудь...

И съ дерева снова послышалось „ку-ку“. Сѣренькая мышка печально сидѣла въ сторонѣ.

— Но какъ ты попала сюда, дорогая сестра? продолжалъ Семплъ.— Кто тебя здѣсь похоронилъ?

— Меня принесъ сюда прекрасный принцъ, отвѣтила Бѣлая лилія, который никогда никому не сдѣлалъ зла.

Принцъ Беатъ прислушался къ этому разговору и сразу-же, въ одинъ мигъ, догадался во всемъ. Онъ подбѣжалъ къ цвѣтку, опустился передъ нимъ на колѣни и склонилъ передъ нимъ голову. Отъ волненія онъ не могъ говорить. Цвѣтокъ подошелъ къ нему и остановился передъ его лицомъ. Тогда принцъ Беатъ, какъ и маленькій Семплъ, протянулъ къ нему губы и поцѣловалъ его.

И вдругъ случилось чудо.

И вдругъ передъ нимъ появилась бѣлая лилія.

Вмѣсто цвѣтка оказалась нѣжная, прелестная дѣвушка съ капельками крови на груди и тутъ-же около нея и двухъ любившихъ ее людей стояли ея мать и фея Вивіана.

— Куда мы теперь пойдѣмъ? спросила наконецъ Бѣлая лилія.

Принцъ Беатъ ничего не отвѣтилъ и взялъ ее за руку и повелъ. Всѣ остальные послѣдовали за

нимъ. Она не повторила своего вопроса, но и ей самой, и всѣмъ другимъ теперь было ясно, что страданія уже окончились и что впереди открывалась новая, тихая, жизнь, полная радостей и возможнаго счастья на землѣ.

И раздвигая передъ собой душистыя розы и цвѣтущую сирень, принцъ Беатъ велъ свою невѣсту къ себѣ. Пѣли птицы, заходило солнце, жужжали насѣкомыя и въ небѣ стали одна за другой зажигаться ласковыя, тихія звѣзды, чтобы освѣтить имъ путь.

— А наши враги? вдругъ вспомнилъ маленькій Семплъ.

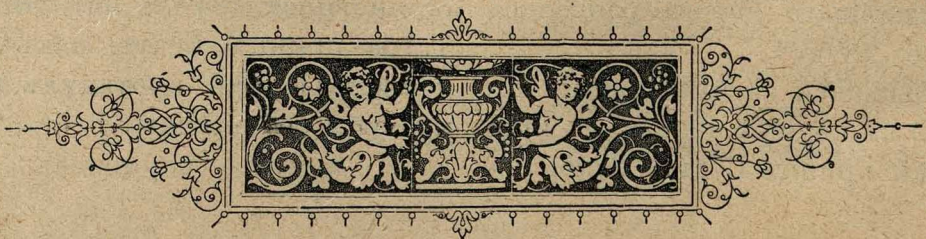
Принцъ Беатъ и Бѣлая лилія улыбнулись ему и принцъ провѣлъ рукою по его свѣтлымъ волосамъ.

— Враги? переспросилъ принцъ. — Развѣ у насъ есть враги? На свѣтѣ есть злые и добрые люди, но враговъ нѣтъ ни у кого!

И, притянувъ къ себѣ мальчика, онъ снова погладилъ его по головѣ.

А вдаль, въ розовыхъ кустахъ, еще громче стали пѣть птицы и съ налетавшимъ вѣтеркомъ еще гуще сталъ доноситься отъ сирени ни ароматъ.

М. Б—скій

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Солнце весело сіяетъ,
На листкѣ блеститъ слеза,
И далеко громыхаеъ
Отошедшая гроза.

Громъ пугаль своимъ раскатомъ,
Дождикъ лить, какъ изъ ведра,
А прошелъ—и ароматомъ
Потянуло со двора.

И мы окна растворили,
Надышаться не могли,
А ужъ сколько было пыли,
Какъ пылало отъ земли!

Въ небѣ ясномъ таютъ тучки,
Вновь блистаетъ яркій день,
И ребятъ веселыхъ ручки
Рвутъ душистую сирень. **Ирисъ.**

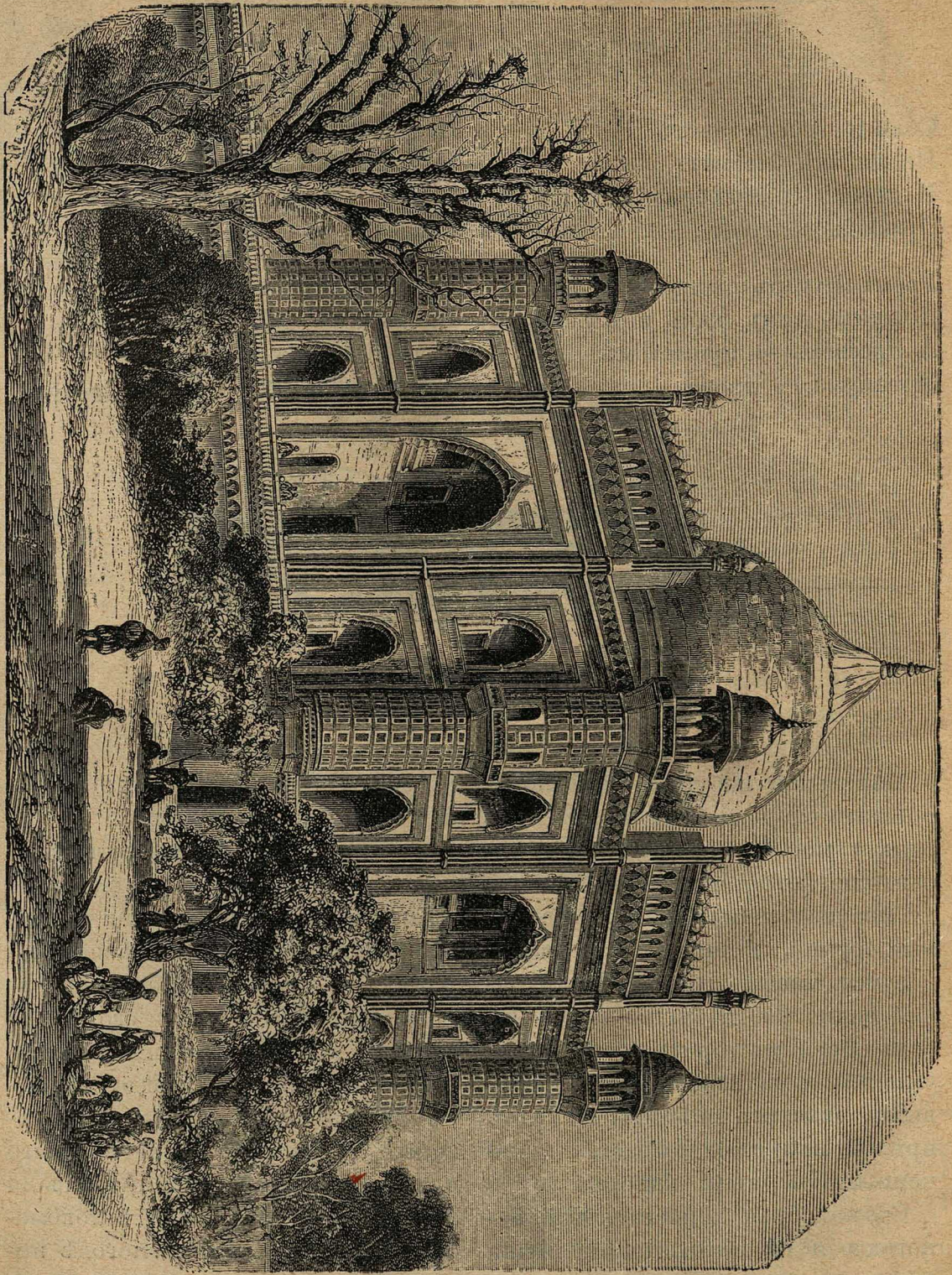
КРАСНЫЙ ФОНАРЬ.

Маленькая избушка желѣзнодорожнаго сторожа. Она стоитъ какъ разъ у моста черезъ глубокий оврагъ, по которому въ сухую погоду извивается маленькій, незамѣтный ручей, а теперь, въ дождь, несутся массы мутной, безпокойной воды. Въ избушкѣ тихо. Передъ образомъ горитъ зелененькая лампадка и заливаеъ уголь ласковымъ, мягкимъ свѣтомъ. Пахнетъ прѣлой капустой и недавно-испеченнымъ чернымъ хлѣбомъ.

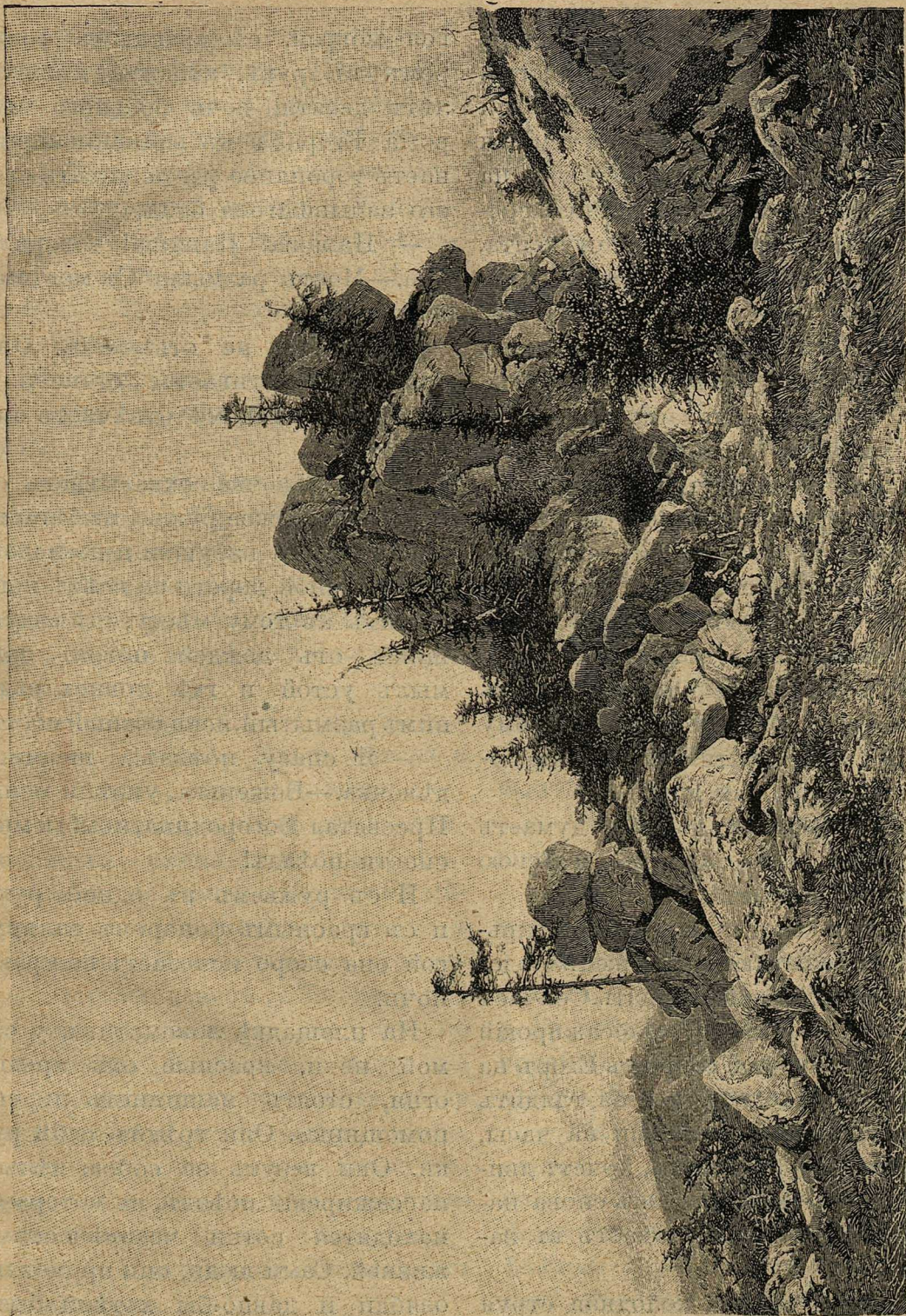
Съ надворья доносится вой непогоды и ей въ отвѣтъ съ печки стонетъ сторожъ Егоръ. Онъ весь

въ жару. Онъ боленъ. Онъ не можетъ двинуться съ мѣста.

Страшный дождь уже четвертая сутки льетъ, какъ изъ ведра, и цѣлые ручьи мутной воды текутъ по бокамъ полотна желѣзной дороги. Онъ звонко стегаетъ по окнамъ вагоновъ и капли его, точно дробью, колотятъ по ихъ желѣзнымъ крышамъ. Иногда дождь смѣняется мокрымъ снѣгомъ, который тотчасъ-же и таетъ. Часто нельзя разобрать: злобствуетъ-ли это вѣтеръ, или шипитъ локомотивъ? Кажется, что непогодѣ никогда не будетъ конца и что борь-

Храмъ въ городѣ Дели, въ Индіи.

На дальнемъ Сѣверѣ.

ба осени и зимы, разъ начавшись, не кончится уже больше никогда.

Въ вагонахъ всѣ спятъ. Если взглянуть пристальнѣе въ темныя фигуры, кое-какъ прикорнувшія на скамьяхъ, то можно различить среди нихъ молоденькаго студента, который ѣдетъ къ матери. Она написала ему, что больна и что хочетъ его видѣть, быть можетъ, въ послѣдній разъ. Онъ ѣдетъ къ ней, не спитъ, считаетъ часы, когда пріѣдетъ наконецъ домой и увидитъ ее. А тутъ, какъ нарочно, сама природа задерживаетъ поѣздъ въ пути. А между тѣмъ еще часъ и настанетъ полночь. Если студентъ не заснетъ, то будетъ ждать разсвѣта. Когда появятся его первые робкіе лучи, то ему будетъ веселѣе, и, быть можетъ, къ тому времени прекратится уже надобившій, холодный дождь.

„Поскорѣе-бы домой!“ думаетъ студентъ.—„Застану-ли я свою мать въ живыхъ?“

Маленькіе стѣнные часы съ гирькой показываютъ въ желѣзнодорожной будкѣ одиннадцать. Сейчасъ долженъ пройти пассажирскій поѣздъ. Больной сторожъ Егоръ на минуту приходитъ въ себя, глядитъ покраснѣвшими глазами на часы, хочетъ что-то сказать, хочетъ двинутся и не можетъ. Онъ снова падаетъ на печь и впадаетъ въ забытье.

Вслѣдъ затѣмъ холодная струя воздуха врывается въ избушку и,

вся мокрая, съ краснымъ фонаремъ въ рукѣ, входитъ дѣвочка лѣтъ десяти, дочь больного сторожа Егора, и въ волненіи начинаетъ торопливо расталкивать своего забывшагося отца.

— Папаша! Папаша! говорить она.—Мостъ размыло! Съ мостомъ не ладно!

Но Егоръ не отвѣчаетъ. Онъ только вздрагиваетъ, стонетъ и такимъ-же стономъ отвѣчаетъ ему непогода.

Тогда дѣвочка схватываетъ со стѣны отцовское ружье, выбѣгаетъ съ нимъ изъ избушки и по полотну желѣзной дороги со всѣхъ ногъ бѣжитъ къ тому мѣсту, гдѣ вздувшийся отъ дождей потокъ подмылъ устой и гдѣ повисъ надъ нимъ размытый, ненадежный мостъ.

— Я спасу поѣздъ!.. шепчетъ дѣвочка.—Боженька, укрѣпи меня! Пресвятая Богородица, помози мнѣ спасти поѣздъ!

И съ ружьемъ въ одной рукѣ и съ краснымъ фонаремъ въ другой она скоро исчезаетъ во мракѣ ночи.

На площадкѣ локомотива, у самой печи, красные отъ яркаго огня, стоятъ машинистъ и его помощникъ. Они грѣютъ себѣ руки. Они везутъ за собою цѣлый пассажирскій поѣздъ, въ которомъ находятся сотни человѣческихъ жизней. Сами люди, они промокли, озябли и давно-бы хотѣли быть у себя дома.

— Когда-же все это кончится? говорить машинистъ. — Идемъ цѣлые четыре часа и дождь не прекращается ни на одну минуту.

— Да.. отвѣчаетъ помощникъ. — И встрѣчный вѣтеръ... Теперь бы дома сидѣть въ теплѣ, да спать бы, а тутъ-вотъ волокиты цѣлый поѣздъ... Посторонитесь-ка, я угля подсыплю.

Онъ подсыпаетъ въ печку угля и снова протягиваетъ руки къ огню.

— Ишь, какой хлещетъ! продолжаетъ онъ. — Просто наказаніе!.. Насквозь промокъ.

— Какъ-бы намъ не опоздать! снова говоритъ машинистъ и глядитъ на часы. — Уже двѣнадцатая часть...

Затѣмъ наступаетъ продолжительное молчаніе. Дуетъ вѣтеръ и дождь льетъ, какъ изъ ведра.

— У меня сегодня дочь—гимназистка—именинница, снова нарушаетъ молчаніе помощникъ машиниста. — Не хотѣла, чтобы я уѣзжалъ. Шустрая такая, учится во второмъ классѣ... Теперь у нея должно быть, гости, подружки по гимназіи... Воображаю, какъ она вертѣлась передъ зеркаломъ, когда одѣвалась! Дома-то теперь свѣтло, тепло, хорошо; дѣти хохочутъ, раздаются ихъ веселые, счастливые голоса... Не то, что здѣсь...

— Да... задумчиво протягиваетъ машинистъ.

И оба отходятъ отъ машины,

присѣдаютъ на желѣзный ящикъ и начинаютъ думать о теплѣ и о родныхъ.

А злобный вѣтеръ попрежнему дуетъ имъ навстрѣчу и одинокія, иззябшія деревья, которыя встрѣчаются имъ по пути, гудятъ своими голыми вѣтвями. вмѣстѣ съ поѣздомъ бѣгутъ по свободному пути свѣтлые четырехъ-угольники. Это отраженія отъ вагонныхъ оконъ. Они освѣщаютъ поперекъ рельсы и лужицы, попадающіяся по пути. Вылетающія изъ трубы локомотива искры дерзко разрѣзаютъ темноту.

И вдругъ раздается гдѣ-то сбоку дѣтскій голосъ:

— Стой! Стой! Остановись!

И вслѣдъ затѣмъ раздается вырѣлъ изъ ружья.

Оба вскакиваютъ и настораживаются.

— Слышалъ? спрашиваетъ машинистъ.

— Что это? восклицаетъ помощникъ.

Машинистъ тотчасъ-же убавляетъ ходъ и, точно изъ-подъ земли, передъ поѣздомъ вырастаетъ вдругъ красный фонарь, выставленный дѣвочкой у размытаго моста...

— Что такое? Что случилось? слышатся вдругъ во всѣхъ вагонахъ голоса, когда поѣздъ почти моментально останавливается у фонаря. Всѣ вскакиваютъ въ испугъ, нѣкоторые пассажиры спрыгиваютъ изъ вагоновъ на мокрую

насыпь и, ежась отъ вѣтра и отъ дождя, кучкой бѣгутъ къ локомотиву. А онъ стоитъ, какъ громадное чудовище, и его два яркіе глаза далеко отражаются на убѣгающихъ въ пространство рельсахъ.

— Что случилось? спрашиваютъ они.— Въ чемъ дѣло? Отчего остановились?

— Красный фонарь! отвѣчаетъ имъ съ локомотива машинистъ.— Неблагополучно! Ѣхать нельзя!

— Какъ нельзя?

— Да такъ! Должно быть, устой размыло!

— Гдѣ? Гдѣ?

И та же кучка пассажировъ бросается отъ локомотива впередъ и скоро исчезаетъ въ темнотѣ. Дикій ревъ разметавшагося потока доносится до нихъ снизу и имъ кажется, что черная мгла раскрыла свою пасть у самыхъ перилъ моста, чтобы только поглотить каждаго, кого сбросить вѣтеръ. На другой сторонѣ оврага чуть свѣтится окно въ желѣзнодорожной сторожкѣ. На этой—точно два глаза чудовища, ярко горятъ два фонаря локомотива. А кругомъ и по сторонамъ все темно, какъ въ могилѣ, и безлюдно. Только слышно, какъ шумитъ дождь, реветъ потокъ и завываетъ вѣтеръ.

— Но кто-же это выстрѣлилъ? спрашиваетъ машинистъ? Кто закричалъ мнѣ „стой“?

Мокрая, худенькая, босая дѣвочка съ выбившимися изъ-подъ платка волосами, подходитъ къ локомотиву и что-то горячо объясняетъ машинисту. Это дочь сторожа Егора. Колѣни ея трясутся отъ волненія и отъ усталости, губы ея дрожатъ и визгливымъ, слабымъ голосомъ она говорить:—

— Тятя лежитъ больной.. Я одна.. Я сбѣгала, осмотрѣла путь, но мостъ размыло и ѣхать черезъ него нельзя.. Я побоялась, какъ-бы не провалился поѣздъ, прибѣжала сюда, выставила фонарь и выстрѣлила изъ ружья, чтобы вы не проѣхали мимо. Сроду не стрѣляла..

Ее окружаютъ пассажиры, спрашиваютъ ее, но она многого изъ ихъ вопросовъ не понимаетъ и такъ взволнована, что не можетъ говорить. Она то и дѣло оборачивается и ея глаза невольно смотрятъ туда, гдѣ по ту сторону моста чуть чуть виднѣтся окошко сторожки ея отца.

— У меня боленъ тятя.. продолжаетъ она.— Егоромъ звать.. А я Поля—его дочь..

И она уже забыла, что спасла жизнь многимъ, и удивляется, что ее благодарятъ. Она не понимаетъ, за что именно, и только мысль объ отцѣ занимаетъ ее всю.

— У меня боленъ тятя.. лепечетъ она.— Онъ безъ памяти.. Лежитъ..

— Господа, спрашиваетъ кто-то въ публикѣ,—нѣтъ-ли среди васъ врача?

Но врача въ толпѣ нѣтъ. Есть только одинъ молоденькій студентъ-медикъ. Онъ выступаетъ впередъ и обращается къ дѣвчкѣ:—

— У меня самого сейчасъ при смерти мать. Но это ничего. Пойдемъ, я осмотрю твоего отца!

И широко зашагавъ за дѣвчкой, онъ скоро скрывается съ ней въ темнотѣ.

По прежнему дуетъ вѣтеръ и гудитъ въ голыхъ вершинахъ деревьевъ. Шумитъ внизу потокъ и яркими глазами горятъ фонари локомотива. Чуть двигаясь впередъ, съ громадными предосторожностями машинистъ и его помощникъ проводятъ поѣздъ черезъ подмытый мостъ. Мостъ скрипитъ и подгибается подъ его тяжестью. Темной толпою пассажиры слѣдуютъ за нимъ пѣшкомъ.

Но вотъ уже близко. Еще два-три взмаха колесомъ, и локомотивъ будетъ на томъ берегу оврага. Онъ дѣлаетъ эти взмахи и наконецъ достигаетъ цѣли. Вотъ уже весь поѣздъ по ту сторону оврага. Теперь онъ въ безопасности и можетъ смѣло продолжать свой путь.

— Слава Богу! легко вздыхаютъ пассажиры.—Теперь мы можемъ ѣхать спокойно!

И всѣ влѣзаютъ въ вагоны и снова усаживаются на своихъ мѣ-

стахъ. Затѣмъ раздается свистокъ оберъ-кондуктора, гудитъ локомотивъ и, развивъ паръ, поѣздъ отправляется въ дальнѣйшій путь. Но никто не обращаетъ вниманія на мелькнувшую избушку сторожа Егора и на то, что въ ней остался одинъ изъ пассажировъ—молодой студентъ.

— У твоего отца тифъ... говорить онъ дѣвчкѣ Полѣ, которая съ большими глазами стоитъ около него.—Но это ничего, это пройдетъ... Надо только завтра свести его въ больницу... Здѣсь ему оставаться нельзя...

И, услышавъ, какъ мимо избушки промчался поѣздъ, оставивъ его одного, онъ бросается-было къ окну, чтобы ему крикнуть и остановить, но увидавъ, какъ замелькали передъ нимъ окна вагоновъ, онъ догадывается, что поѣзда ему не догнать и покорно опускается на лавку.

— Позабыли... говоритъ онъ.—Позабыли меня здѣсь.—Далеко отсюда до полустанка?

Онъ поднимается, чтобы идти до полустанка пѣшкомъ, но дѣвчочка стоитъ у стола одна и, опустивъ головку, о чемъ-то думаетъ.

— Если я сейчасъ уйду пѣшкомъ, говоритъ онъ,—то съ кѣмъ ты здѣсь останешься?

— Я останусь здѣсь одна... отвѣчаетъ она.—Я уже большая... Я справлюсь за отца одна и не буду спать всю ночь. Еще должны

пройти четыре поѣзда: три товарныхъ и одинъ пассажирскій... Вы до полустанка?

Вмѣсто отвѣта студентъ снимаетъ съ себя пальто и вѣшаетъ его на гвоздь.

— Поставь-ка, дѣвочка, самоваръ, говоритъ онъ,—и давай пить чай... Всѣ люди братья и должны служить другъ другу. Я останусь здѣсь съ вами и постараюсь вамъ помочь.

Она смотритъ на него большими, удивленными глазами и плохо его понимаетъ.

— Ставь, ставь самоваръ! продолжаетъ онъ.—Вѣдь намъ не спать всю ночь!

Отойдя къ печкѣ, дѣвочка ставитъ самоваръ. Когда онъ начи-

наетъ шумѣть, то она подходитъ къ своему гостю и робко ему говоритъ:

— Только, господинъ докторъ, у насъ нечѣмъ будетъ вамъ заплатить...

Онъ проводитъ рукой по волосамъ, улыбается и отвѣчаетъ:—

— Заплатить? Зачѣмъ? Вѣдь тебѣ-же никто не заплатилъ за то, что ты спасла цѣлый поѣздъ? Всѣ люди—братья. Считаю меня своимъ братомъ, а я буду считать тебя сестрой,—вотъ и все!

И они садятся за самоваръ и начинаютъ пить чай.

А на дворѣ по прежнему завываетъ вѣтеръ и дождь, точно плетками, стучитъ по стекламъ окна...

М. Б.

В Е Ч Е Р Ъ .

Синѣютъ сумерки. Все смолкло. Ароматы
Плывутъ съ темнѣющихъ полей...
Все гуще тѣни отъ вѣтвей.
И облака закатомъ всѣ объаты...

Люблю задумчивость я лѣтнихъ вечеровъ,
Идущей ночи сумракъ синій,
Полей заснувшія пустыни
И трепеть ласковый далекихъ огоньковъ...

Ф. Черновъ.

ВЪ СТАРОЙ УСАДЬБѢ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Алеша вздрогнулъ и проснулся. Чей-то незнакомый голосъ называлъ его по имени. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ передъ собой какую-то тощую, сухую даму.

— Пора вставать! сказала она. — Уже восемь часовъ!

Онъ догадался, что это была его новая гувернантка, и быстро сталъ одѣваться.

Было ясное, солнечное утро, щебетали птицы и ему вдругъ стало пріятно, что онъ всталъ рано и, значить, сейчасъ-же побѣжитъ къ своимъ новымъ друзьямъ. Но гувернантка все время стояла около него и когда онъ былъ уже совсемъ готовъ, то вмѣстѣ съ нимъ она вышла и къ утреннему чаю.

— Теперь пойдете къ дѣдушкѣ... сказала она. — Съ нимъ нужно видѣться каждое утро...

Она повела его къ старому графу. Теперь дѣдушка сидѣлъ уже за письменнымъ столомъ, въ бѣлыхъ воротничкахъ и въ черномъ сюртукѣ и что-то писалъ. Очевидно, болѣзнь его уже прошла и онъ чувствовалъ себя хорошо. Увидѣвъ внука, онъ улыбнулся и протянулъ къ нему чисто-выбритую, морщинистую щеку.

— Поцѣлуйте вашего дѣдушку! скомандовала гувернантка.

Алеша все равно поцѣловалъ бы дѣдушку и безъ нея и то, что она вмѣшалась и приказала ему это сдѣлать, смутило его. Онъ пуливно оглянулся въ ея сторону.

— Вы видите, мадамъзель Жю-

стинъ, обратился къ ней старикъ, — какой милый мальчикъ молодой графъ? Поручаю его вашему наблюденію!

Старая, изсохшая француженка что-то сказала ему въ отвѣтъ и затѣмъ, взявъ Алешу за руку, повела его въ классную.

— Мы теперь должны заниматься, сказала она. — Я буду васъ учить французскому и нѣмецкому языкамъ...

— Я уже знаю ихъ, отвѣтилъ Алеша и ужаснулся, что его засаждать сейчасъ за ученье.

И она дѣйствительно усадила его за столъ и провела съ нимъ цѣлые три часа, объясняя ему то, что онъ давно уже зналъ. А на дворѣ по прежнему ярко свѣтило солнце, по прежнему щебетали птицы и манили его къ себѣ. Онъ никогда еще не занимался лѣтомъ, это было для него непривычно и онъ думалъ совершенно о другомъ и отвѣчалъ своей гувернанткѣ невпопадъ. Когда-же къ окошку подошли докторскія дѣти и счастливой толпой стали вызывать его къ себѣ, то онъ такъ засуетился и заерзалъ на мѣстѣ, что мадамъзель Жюстинъ одернула его и строго сказала:

— О вашемъ поведеніи я сообщу вашему дѣдушкѣ! Сидите смирно!

А дѣти въ это время кричали:

— Алеша! Выходи! Мы тебя ждемъ!

Ахъ, какъ ему захотѣлось вдругъ

отшвырнуть отъ себя эту тетрадку и эту ненавистную чужую женщину, которая почему-то вдругъ получила надъ нимъ право, и выбѣжать къ друзьямъ. И будучи не въ силахъ овладѣть собой, онъ бросился къ окну, замахалъ имъ рукой и крикнулъ:

— Сейчас! Я сейчас!

Но гувернантка нахмурила брови, подошла къ нему и, цѣпко схвативъ его за руку, снова усадила его за столъ.

— Вы должны и будете учиться, строго сказала она. — Эти дѣти не для васъ! Они не вашего круга! Вы не должны съ ними играть?

— Почему? спросилъ Алеша и слезы показались у него на глазахъ.

— Потому что вы — знатнаго происхожденія, а они... Они не компанія для васъ!

Алеша сдѣлалъ большіе глаза, посмотрѣлъ на нее и вдругъ громко разрыдался. Неужели его не пустятъ теперь къ его новымъ друзьямъ, съ которыми онъ такъ близко и сразу сошелся? Неужели цѣлые дни эта женщина будетъ при немъ и будетъ мѣшать ему жить? Кто она? Откуда она взялась? Кто далъ ей право съ первой-же минуты обращаться съ нимъ такъ, точно онъ ея рабъ или вещь? Почему отстранили отъ него его родную мать?

И полный обиды и негодованія, онъ положилъ руки на локти и, громко всхлипывая, сталъ вздрагивать плечами. Гувернантка молча прошла взадъ и впередъ по классной. Она тяжело дышала черезъ носъ.

— Я вижу, что вы плохо воспитаны... сказала она наконецъ.—

Эти дѣти могутъ только болѣе испортить васъ. Я буду просить графа, чтобы онъ ихъ устранилъ!

— Вы не сдѣлаете этого! воскликнулъ вдругъ Алеша и вскопчилъ.

Она еще строже посмотрѣла на него и направилась къ выходу.

— Вы съ перваго-же дня заставляете меня быть съ вами строгой, сказала она.—Вы плохо воспитаны. За эту вашу грубость вы просидите въ этой комнатѣ цѣлый часъ взаперти.

Она вышла и щелкнула за собой ключомъ. Алеша остался одинъ. Онъ былъ наказанъ и въ первую минуту никакъ не могъ объяснить себѣ, почему и за что? Онъ сидѣлъ одинъ, а въ это время въ паркѣ раздавался веселый, счастливый смѣхъ докторскихъ дѣтей и иногда къ окошку подходили Катя и Костя и манили его къ себѣ.

— Алеша, выходи! робко кричали они, догадавшись, въ чемъ дѣло.—Иди съ нами гулять!

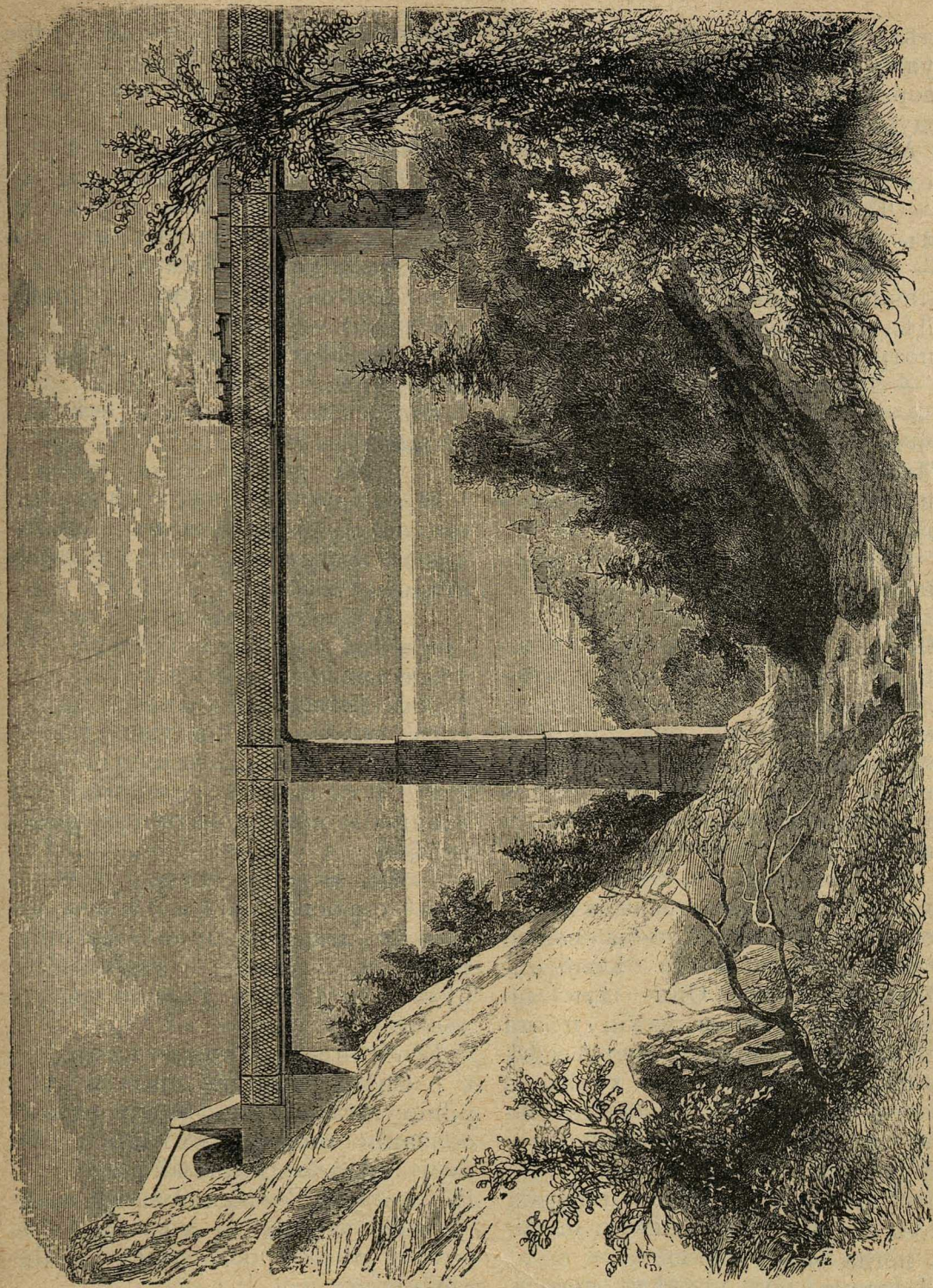
Выросшій на волѣ, никогда не подвергавшійся никакимъ наказаніямъ, Алеша чувствовалъ себя, какъ звѣрокъ, запертый въ клетку, и ему хотѣлось свободы, хотѣлось добиваться ея, и это утро, проведенное имъ въ плѣну, казалось ему ужаснымъ.

„Что ей отъ меня надо?“ думалъ онъ.—„Вѣдь я уже знаю все, чему она меня учила!“.

Кончился часъ, снова щелкнулъ въ двери ключъ и явилась гувернантка.

— Идемте обѣдать!.. сказала она.

Алеша послушно послѣдовалъ за ней. Теперь ужъ за столомъ

Мостъ близъ Лозанны, въ Швейцаріи.

сидѣлъ и старыи графъ. Григорій служилъ только ему, а Алешѣ и гувернанткѣ подавала горничная. Дѣдушка былъ въ духѣ, шутилъ, но Алеша ничего не ѣлъ, молчалъ и едва отвѣчалъ на его вопросы.

— Ты сегодня здоровъ? спросилъ его дѣдушка.

— Здоровъ... тихо отвѣтилъ мальчикъ и снова опустилъ глаза.

Дѣдушка подозвалъ его къ себѣ и потрогалъ ему лобъ.

— Нѣтъ, ничего... сказалъ онъ.— Жара нѣтъ! Отчего-же ты ничего не ѣшь?

Чтобы не обращать на себя вниманія, Алеша сталъ равнодушно ѣсть жаркое.

— Не жуйте такъ громко!.. остановила его мадмуазель— Жю стинъ.

Послѣ обѣда гувернантка повела Алешу гулять. Мирно, чинно, церемонно она вела его за руку и все время онъ долженъ былъ находиться при ней. Онъ не могъ бѣгать по травѣ, потому что для прогулокъ были нарочно расчищены въ паркѣ дорожки, онъ не могъ поиграть съ собакой, которая послушно слѣдовала за нимъ, потому что собака могла-бы своими ласками испачкать его бѣлый пикейный костюмъ. Они шли по парку, какъ сонныя мухи, и эта пародія на гулянье казалась Алешѣ дикой и странной и ему хотѣлось бросить свою гувернантку и бѣжать поскорѣе къ докторскому флпгелю, гдѣ было столько простоты и безхитростнаго счастья и гдѣ его ждали и считали минуты, когда онъ придетъ.

И вдругъ онъ увидѣлъ передъ собою всѣхъ докторскихъ дѣтей. Замѣтивъ его, они съ радостными

криками побѣжали къ нему навстрѣчу.

— Алеша! Алеша! закричали они.

Позабывъ обо всемъ на свѣтѣ, онъ бросился къ нимъ, сталъ ихъ спрашивать, глаза его заблестали и онъ не зналъ, на кого глядѣть и кого слушать.

— Знаете что? вдругъ предложилъ онъ.— Давайте бѣгать!

— Давайте, давайте! обрадовались дѣти.

Онъ всталъ впереди всѣхъ и скомандовалъ:

— Разъ, два три! Догоняйте!

И только что онъ хотѣлъ броситься впередъ, какъ къ нему подошла гувернантка и молча и безстрастно взяла его за руку.

— Пойдемте отсюда! сказала она.— Вы не будете бѣгать! Это общество не для васъ!..

Онъ поглядѣлъ на нее полными слезъ глазами и послушно послѣдовалъ за нею. Дѣти кучкой остались позади и грустными, удивленнымъ взглядомъ смотрѣли ему вслѣдъ.

— Съ кѣмъ-же мнѣ здѣсь играть? спросилъ онъ ее наконецъ.

— Съ вашей кузиной Софи, отвѣтила мадмуазель— Жюстинъ. Она будетъ пріѣзжать къ вамъ каждые два дня.

Его удивило, что она знала уже и о Софи. Ясно, что прежде, чѣмъ приступить къ исполненію своихъ обязанностей, она имѣла со старымъ графомъ длинный разговоръ. Но когда? Вчера вечеромъ или сегодня утромъ? А можетъ быть, онъ ей писалъ объ этомъ въ Петербургъ?

Вечеромъ пріѣзжала повидаться съ сыномъ Ольга Ивановна. Робкая,

одѣтая во все черное, она вошла къ Алешѣ въ спальную и все время была, какъ на иголкахъ, боясь, какъ-бы не просидѣть дольше и не попасться на глаза графу, который ее не любилъ. Радости Алеши не было границъ. Онъ обнималъ ее, цѣловалъ, не зналъ, какъ ее приласкать и гдѣ посадить. И все время гувернантка была при нихъ и, дѣлая видъ, что читаетъ, слѣдила за каждымъ словомъ мальчика. Ольга Ивановна рассказывала ему, какъ она уже устроилась съ няней—Наташей въ своемъ новомъ жилищѣ, какой у нихъ прелесный, уютный домикъ, какая тихая, очаровательная рѣчка, поросшая камышами, и какъ отъ домика къ берегу тянется славный, фруктовъ садъ.

— Вотъ-бы ты тамъ побѣгалъ! сказала Ольга Ивановна.

Онъ крѣпко обнялъ ее за шею и тихо сказалъ ей на ухо:

— Мамочка, возьми меня къ себѣ! Я безъ тебя не могу!... Мнѣ здѣсь все такъ противно!

Ей было пріятно, что онъ еще ее не забылъ и не промѣнялъ ее на всю эту окружающую его роскошь; но она испугалась его словъ и быстро и крѣпко поцѣловала его въ щеку.

— Ничего, сыночекъ, такъ-же тихонько отвѣтила она.— Потерпи еще немного и привыкнешь.... Я не могу препятствовать твоему счастью.... Я должна пожертвовать для тебя всѣмъ! Вѣдь твой покойный папа поступилъ-бы такъ-же, какъ и я, и привезъ—бы тебя сюда.

— Но почему ты не живешь здѣсь вмѣстѣ со мной?

Она смутилась и покраснѣла.

— Такъ надо ... сказала она.— Послѣ, когда выростешь, узнаешь самъ!

Она простилась съ нимъ и вышла изъ дѣтской. Онъ слышалъ, какъ отъѣзжалъ ея экипажъ, и ему показалось, что съ послѣднимъ звукомъ его колесъ для него порвалась съ нею всякая связь. Онъ легъ, укрылся одѣяломъ съ головой и горько заплакалъ.

Затѣмъ онъ заснулъ.

Слѣдующій день прошелъ такъ-же скучно и томительно, какъ и предыдущій. За ними потянулись грустные, унылые дни. Все время, не отходя ни на шагъ, мадмуазель—Жюстинъ была около Алеши и слѣдила за каждымъ его шагомъ и каждымъ движеніемъ. Приѣзжала Софи, но и для нея ея приѣзды проходили безслѣдно. Она мечтала о томъ, какъ будетъ бѣгать съ докторскими дѣтьми и ѣсть черный хлѣбъ и какъ еще тѣснѣе подружится съ Катей, которая ей очень нравилась, но молодого графа и графиню все время держали около дома, не давали имъ свободы и чтобы имъ не было скучно, заставляли ихъ разглядывать старые иллюстрированные журналы, играть въ кубики или складывать уже надѣвную распильную картину. Хорошая, безвольная Луиза Карловна сразу-же подпала подъ вліяніе властной мадмуазель—Жюстинъ и цѣлые дни скромно просиживала на террасѣ въ уголокъ и вязала безконечныя кружева. Выходилъ иногда къ обѣду старый графъ, часто хмурый и недовольный всѣмъ, и уже около вечерняго чая часто посылалъ за докторомъ. У него разыгрывалась подагра. Безшумно, словно не человекъ, а

бесплотная тѣнь, Григорій въ такихъ случаяхъ переходилъ съ озаченнымъ лицомъ изъ его кабинета въ спальную и обратно, горничныя разговаривали между собою шопотомъ, посылалось сказать псарю, чтобы онъ перевелъ собакъ на ночь подалше, чтобы не было слышно ихъ лая, и бѣдненькая разочарованная Софи должна была спозаранку уѣзжать обратно и весь домъ погружался въ могильную тишину.

— Ахъ, какая скука!... вздыхалъ Алеша и съ завистью посматривалъ на деревья, сквозь которыя еще выдѣлялся иногда пылкій, розовый закатъ.— Должно быть теперь весело у насъ въ Крыму. Тамъ Айвазъ, чистильщикъ—Ванька... Хорошо имъ!

И мальчика страстно, безумно стало тянуть на югъ. Ему захотѣлось вдругъ опять въ тотъ самый маленькій домикъ, въ которомъ онъ жилъ въ Крыму, гдѣ было такъ всегда просто и такъ здорово и гдѣ около него всегда были тѣ, кого онъ такъ любилъ. Ему захотѣлось вдругъ горь, моря, ласкъ матери и няни, и онъ понималъ, что лишился ихъ навсегда и что это свалившееся на него несчастье, котораго онъ вовсе не ожидалъ и не хотѣлъ, этотъ ненужный ему графскій титулъ и этотъ громадный тоскливый домъ, въ которомъ ему придется теперь прожить всю его жизнь, только сведутъ его съ ума. И полный охватившаго его вдругъ отчаянія, онъ какъ-то однажды вечеромъ схватился за виски и, испугавшись самого себя, громко закричалъ:

— Мама, мама!

Но вошла гувернантка и стала

укладывать его спать. Холодными, старческими, костлявыми руками, на которыхъ однако-же блестяли выхоленные ногти, она стала его укладывать и помогать ему раздѣваться, но онъ испытывалъ такое чувство, точно къ нему прикасалась лягушка. Пожимаясь своимъ худенькимъ тѣльцемъ, онъ быстро помолился, легъ и укрылся съ головой. Она вышла изъ дѣтской на цыпочкахъ и оставила его одного. Но онъ тотчасъ-же выскочилъ изъ-подъ одеяла, одѣлся и черезъ окошко вылѣзъ въ паркъ.

— Уйду! рѣшилъ онъ.— Не стану здѣсь оставаться! Я хочу къ мамѣ.

Во всемъ паркѣ было пустынно. Отъ розъ, геліотропа и жасмина шелъ густой сладкій ароматъ и съ рѣвки доносилось нестройное кваканье лягушекъ. Гдѣ-то далеко мычало стадо и въ поляхъ ржи кричали перепела. Сквозь деревья виднѣлась непотухшая еще вечерняя заря и, несмотря на сравнительно поздній часъ, было еще несовсѣмъ темно и посыпанныя пескомъ дорожки казались сѣрыми и утопавшими въ глубинѣ деревьевъ и кустовъ. Алеша соскочилъ съ подоконника въ розовый кустъ, оцарапалъ себѣ руку, разорвалъ на колѣнкѣ чулокъ, но жажда свободы была въ немъ настолько велика, что онъ не замѣтилъ ничего.

— Уйду! повторялъ онъ.— Не желаю здѣсь оставаться одинъ!

Быстрыми, тоненькими ножгами онъ побѣжалъ отъ дома къ рѣшоткѣ, къ тому мѣсту, гдѣ иногда ожидала его няня—Наташа, когда приходила, чтобы его увидѣть хотя издали. Но теперь ея здѣсь не

было. Отъ нея и отъ своей мамы Алеша зналъ, что хуторъ, въ которомъ онѣ жили, назывался Софонтьевкой и находился въ той сторонѣ, гдѣ зашло теперь солнце, но дорогу туда онъ не зналъ и за все время своего пребыванія въ старой усадьбѣ даже ни одного раза не выходилъ изъ парка. Но на этотъ разъ онъ рискнулъ. Онъ побѣжалъ вдоль рѣшотки, обогнулъ сторожку дворника и, незамѣченный никѣмъ, отворилъ калитку и выбѣжалъ на дорогу. Но куда идти? Онъ обернулся лицомъ къ огненной полосѣ зари и побѣжалъ туда, гдѣ на ея фонѣ темнѣлъ на горизонтѣ стройный еловый лѣсокъ.

Вокругъ него тысячами голосовъ торжествовала лѣтняя, теплая ночь. Трещали кузнечики, гудѣли жуки, кричали перепела и гдѣ-то высоко-высоко, подъ самымъ небомъ, распѣвалъ запоздавшій жаворонокъ. Какая-то странная птица мычала въ рѣчныхъ камышахъ и ей отвѣчала съ луговъ другая птичка, точно человекъ выговаривающій слово: „Сплю! Сплю!“ Больно кусались комары. Еле дыша отъ усталости и боясь, какъ бы не ослабѣть и не упасть, Алеша все бѣжалъ и бѣжалъ, пока наконецъ графская усадьба со всѣми ея постройками и затѣями не утонула въ глубокой синевѣ надвигавшейся ночи и не осталась за нимъ далеко позади.

Но вотъ уже кончились засѣянные рожью поля и начался тотъ самый еловый лѣсъ, который столько времени виднѣлся на полосѣ зари. Теперь уже заря погасла и въ лѣсу было темно и сыро и невольная жуть забралась въ

сердце Алеши. Что, если сейчасъ выскочитъ волкъ?

— Я сейчасъ!.. шепчетъ Алеша и держится рукою за грудь.— Пробѣгу еще немного и будетъ хуторъ мамы. Няня говорила, что онъ отъ дѣдушки всего только въ трехъ верстахъ.

Но вотъ свѣтлѣетъ снова, лѣсъ кончается и у излучины рѣки виднѣется желанный хуторокъ. Это Софонтьевка. Въ маленькомъ бѣломъ домикѣ свѣтится огонекъ. Лааетъ тоненькимъ голосомъ собака. Громадныя, вѣковыя липы спускаются отъ дома къ рѣкѣ и крупныя, желтоголовые подсолнухи выглядываютъ изъ-за ограды. И по мѣрѣ того, какъ Алеша приближается къ хуторку, ему становится веселѣе и этотъ простенькій домикъ, и эти подсолнухи, и этотъ безхитростный плетень, на кольяхъ котораго сушатся горшки, и этотъ журавль на колодцѣ кажутся ему въ тысячу разъ лучше и симпатичнѣе, чѣмъ громадный, унылый, безжизненный домъ дѣдушки и выхолонный и подстриженный вокругъ него паркъ.

Алеша подбѣгаетъ къ самому домику. Онъ обмазанъ глиной и побѣленъ. Желтая собака подходитъ къ нему и, точно почуявъ въ немъ своего, виляетъ ему хвостомъ. Онъ влѣзаетъ на заваленку и заглядываетъ въ окно. У стола сидитъ его мама и читаетъ книгу. Противъ нея, въ уголку,—няня Наташа вяжетъ чулокъ. Отъ зеленого колпака лампы ея лицо и чепецъ кажутся прозрачными. Милая, дорогая, хорошая мама! Вотъ она сидитъ здѣсь одна, пожертвовавъ всѣмъ для счастья своего Алеши, смирившая въ се-

бѣ сильное материнское чувство и только для того, чтобы онъ былъ графомъ и впоследствии богатымъ. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ ему богатство, всѣ титулы въ мѣрѣ, когда она, вотъ эта самая женщина, для него дороже всѣхъ на свѣтѣ и когда онъ, ея маленькій Алексѣй, не можетъ безъ нея жить!

Вотъ она отняла голову отъ книги, провела рукою по волосамъ и задумалась. Навѣрное, она думаетъ сейчасъ о немъ! Вотъ она что-то сказала нянѣ Наташѣ и та посмотрѣла на нее и улыбнулась. Да, да! Онъ обязательно поговорилъ сейчасъ о немъ!

И не будучи въ состояніи болѣе сдержатъ себя, онъ постучалъ пальцемъ въ стекло и спрятался за притолку. Ольга Ивановна вздрогнула и обернулась. Онъ подкрался и постучалъ еще.

— Тукъ-тукъ-тукъ!..

Няня тоже вздрогнула и перекрестилась. Тогда Ольга Ивановна вскочила съ мѣста, подбѣжала къ окошку и широко распахнула его передъ собой.

— Кто здѣсь? спросила она и высунулась изъ окна.

Вмѣсто отвѣта онъ выскочилъ изъ своей засады и бросился къ ней на шею.

— Мамочка! Мама! Мама! закричалъ онъ и сталъ покрывать ея лицо, руки и глаза поцѣлуями.

— Алеша! воскликнула она и, не зная, какъ понять его появленіе, не соображая ни о чемъ и не думая ни о комъ, она притянула его къ себѣ, крѣпко прижала его къ сердцу и стала плакать. Плакать и смѣяться.

Давъ волю своему материнскому чувству, выплакавъ свою разлуку

съ сыномъ, она втащила его потомъ черезъ окошко къ себѣ въ комнату и усадила его на широкой старомодный диванъ. Няня суетилась и хлопотала и испытывала смѣшанное чувство радости и безпокойства. Ольгѣ Ивановнѣ было пріятно, что такъ любитъ ее сынъ, но въ то-же время и страхъ, какъ отнесется къ его побѣгу графъ, тоже наполнялъ ея сердце.

— Ну, рассказывай теперь, обратилась она къ Алешѣ.—Что у васъ новаго, какъ ты поживаешь?

Онъ всталъ съ дивана и глаза его засверкали.

— Я не желаю быть больше графомъ! сказалъ онъ.—Больше я не вернусь туда никогда!..

И вдругъ онъ залился слезами. Онъ снова бросился къ матери на шею и сталъ покрывать ее поцѣлуями.

— Мамочка... милая!.. всхлипывалъ онъ.—Я хочу жить только съ тобой одной!.. Не отдавай имъ меня!.. Иначе я умру безъ тебя или утоплюсь!..

Онъ рыдалъ въ три ручья, она утѣшала его, хотѣла его журить за побѣгъ, но въ то-же время, точно струйка сладчайшаго меда, въ ея сердце западали его слова и она была рада, что ни сказочное богатство, ни титулъ, ни удобства жизни не могли изгладить изъ его души любовь и уваженіе къ матери.

И полная рѣшимости, она приказала нянѣ — Наташѣ постлать для него постельку и стала его раздѣвать.

— Будь, что будетъ!.. шептала она про себя.—Я сдѣлала все, что зависѣло отъ меня!.. Онъ не хочетъ самъ,— и да будетъ на все воля Господня!

А сбоку нея стояла няня и причитала:

— Спи, мой батюшка! Спи, мой болѣзненный! Господь тебя благословить! Вотъ такъ-бы и давно! А то что жить у чужихъ людей!

Послѣ столькихъ душевныхъ волненій и столькихъ слезъ, Алеша вытянулся на кровати во весь свой ростъ и сразу заснулъ. И этотъ сонъ показался ему слаще и милѣе всего на свѣтѣ.

Около него еще долго простояла

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ольга Ивановна и смотрѣла на его лицо. Потомъ она вышла на дворъ, позвала къ себѣ сторожа Ефима и послала его въ графскую усадьбу сказать, что Алеша у нея.

А на темномъ, безоблачномъ небѣ уже мерцали маріады ласковыхъ звѣздъ и кругомъ еще громче раздавалось жужжанье жуковъ, пѣніе ночныхъ птицъ и кваканье лягушекъ.

Cyclamen.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова:

1) То, что подаютъ во время чая на столъ.

2) То, что часто окружаетъ села и деревни.

3) Музыкальный инструментъ.

Взять отъ каждаго изъ этихъ словъ по первому слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ часть нашей одежды.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

II.

Задуманы три слова:

1) То, что мы видимъ часто на небѣ.

2) То, что есть у птицы и на письменномъ столѣ.

3) То, что украшаетъ землю и служитъ пищей для животныхъ.

Взять отъ каждаго изъ этихъ словъ по послѣднему слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ домашнее животное.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

III.

Задуманы слова, означающія:

1) Твердый, сладкій предметъ, тающій въ водѣ.

2) Названіе страны свѣта.

3) Надоѣдливое насѣкомое.

4) То, безъ чего въ комнатѣ трудно жить.

5) То, что дѣлаютъ изъ ягодъ и сахара.

6) Первую книжку школьника.

7) То, что продаютъ въ лавкахъ.

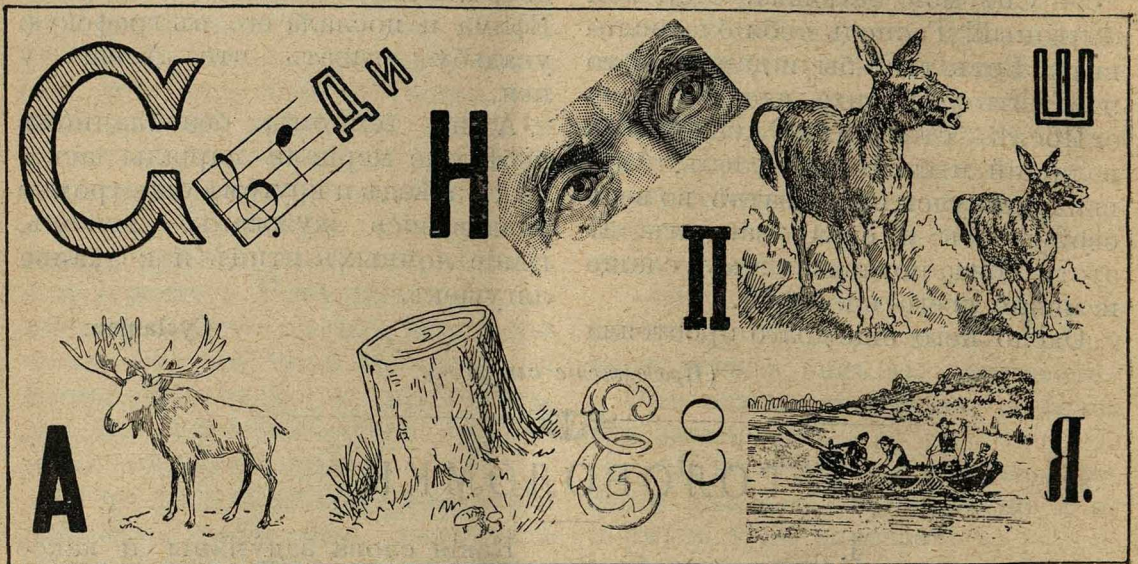
Взять отъ первыхъ шести словъ по первой буквѣ и отъ седьмого— двѣ послѣднія буквы и составить изъ нихъ названіе предмета, который почти въ каждой семьѣ ежедневно подаютъ на столъ.

Какія слова задуманы и какой это предметъ?

IV.

Если въ названіе домашняго животного вставить его первый слогъ, то получится инструментъ, необходимый въ оркестрѣ.

Ребусъ № 18.

(Фамилии подписчиков, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Какое это животное и какой это инструментъ?

V.

Въ комнатѣ разставлены три сту-

ла такъ, что передъ каждымъ изъ нихъ оказалось по два стула. Сколько всего стульевъ было въ комнатѣ?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 16, помѣщенныхъ въ № 16 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I. Братъ и сестеръ у меня нѣтъ, слѣдовательно, у своего отца я—единственный сынъ. Сынъ моего отца—это я. Значитъ, на портретѣ нарисованъ я. II., Перо, Ива, Рыба, Азбука, Морозъ, Игла, Дрова, Африка, Пирамида. III., По дорогѣ. IV., Когда онъ—вы+мы+ты+я (вымытыя). V., Арена, театр, татаринъ, артистъ, серна, страна, старина, астра. Задуманное слово—Стеаринъ.

Ребусъ № 16. Съ+оси+ны+ужъ+е+осы+па+лосъ+м+ножь+ест+въ+о+листь+е+въ = Съ осины уже обсыпалось множество листьевъ.

Вѣрные рѣшенія прислали: Таня Шелковникова, Женя Подопригора—Стрекоза, Таня изъ Гагръ, Оля Славковичъ, Олегъ Кашкаровъ, Вася Горьковский, Митя и Ларя Курбатовы, Нина Вайнеръ, Валя и Нюся Суховы, Лена и Сюша Ивановы, Эрикъ и Мара Верендсонъ, Н. О. Загребельная, Леня Иваскъ, Алеша Сашевскій, Т. и В. Либгартъ, Бобень, Лиданька и Умилень,

Павликъ Теммлеръ, Боря, Женичка и Лида Козмины, Лида и Виля Исиковы, Люба, Женя и Вѣруся Кухашины, Мушталеровы, Левъ, Евгений и Юрій Вѣляевскіе, Евгений Шелковичъ, Таня и Мама Илькевичъ, Ж. Сорокинъ, Вѣрочка и Боречка Наумовы, Сережа Макаровъ, Петя, Коля и Шура Овсянниковы, Таня Геренпрейхъ, Галя Попова, Шура Можевитиновъ, Коля и Надя Никоновы, Н. А. П., Миля и Леша Рябцевы, Володя и Боря Заксъ, Котикъ Вобровъ, Лида, Лара, Сережа Серебровскіе, Вася Карелинъ, Элла Мартенсъ, Леликъ—Кроликъ; Кина и Лея изъ Кадуги, Володя Развадовскій, Ляля и Галя Скаковскія, Варонъ Диль, Тоня и Коля Баскаковы, Евгений и Борисъ Василевскіе, Нина и Толя Мироновичъ, Таня, Ира, Сережа, Фанни, Эрна, Маруся; Валя; Боря и Маруся Панфиловы; Пешекеровъ; дѣти Крайко. Г. Тихомировъ, Нина Богуславская, Рина Устинова, Станиславъ Маркевичъ, Петя Шестаковъ, Зина Романенко, Таня Илькевичъ, Медвѣженокъ—Большакъ, Шамраевы, Тамара Смоленецъ, Борисъ и Валентина Коржевецкія, Лена и Жоржикъ Дубницкіе.

1847

REPUBLICAN PARTY

1847

1	1
2	2
3	3
4	4
5	5
6	6
7	7
8	8
9	9
10	10
11	11
12	12
13	13
14	14
15	15
16	16
17	17
18	18
19	19
20	20
21	21
22	22
23	23
24	24
25	25
26	26
27	27
28	28
29	29
30	30
31	31
32	32
33	33
34	34
35	35
36	36
37	37
38	38
39	39
40	40
41	41
42	42
43	43
44	44
45	45
46	46
47	47
48	48
49	49
50	50
51	51
52	52
53	53
54	54
55	55
56	56
57	57
58	58
59	59
60	60
61	61
62	62
63	63
64	64
65	65
66	66
67	67
68	68
69	69
70	70
71	71
72	72
73	73
74	74
75	75
76	76
77	77
78	78
79	79
80	80
81	81
82	82
83	83
84	84
85	85
86	86
87	87
88	88
89	89
90	90
91	91
92	92
93	93
94	94
95	95
96	96
97	97
98	98
99	99
100	100

1847

1847

1847

1847

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1 Ноября

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ сдѣлать по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлечения и проч. и проч.).

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: для иногороднихъ подписчиковъ— въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

рекомендуетъ слѣдующія книги

для дѣтей:

„ДРУЖОКЪ и ОМКА“ Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 коп., съ пересылкой 55 коп.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ Съ иллюстраціями, цѣна съ пересылкой 65 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 26.